

Рождественское утро

В Филадельфии богатые и бедные живут бок обок, или, вернее, спина к спине. Между улицами богатых и параллельно им пролегают переулки бедных. Рядом с гаражами богатых теснились и лачуги бедняков.

В большом доме, выходящем фасадом на одну из самых престижных улиц, жила маленькая девочка по имени Этель. В этом же большом доме кроме родителей, дворецкого, горничной-француженки жили ещё множество других слуг. За большим домом был гараж. Напротив гаража на другой стороне переулка стоял маленький старый кирпичный дом. А в этом доме обитала другая маленькая девочка по имени Мэгги. Она жила с отцом, который был чернорабочим. Мать девочки занималась стиркой. А ещё у неё было полдюжины братьев, четверо из которых где-то подрабатывали, а двое младших ходили в школу.

Этель и Мэгги никогда не играли вместе. Их знакомство было простым поклоном, или смущённой улыбкой. Из одного окна в большой игровой комнате Этель могла видеть проулок за гаражом. Ей было видно и окно гостиной в доме Мэгги. Две маленькие девочки сначала только смотрели друг на друга. Однажды Мэгги кивнула и улыбнулась. Этель, вопреки запрету не играть с детьми в переулке и не замечать их, кивнула и улыбнулась в ответ. После этого между девочками завязалась дружба без слов. Они не ложились спать до тех пор, пока не поговорят друг с другом из своих окон пантомимами.

Наступило утро Рождества. Этель проснулась очень рано, как все воспитанные дети, по крайней мере, в этот день. У неё

была прекрасная комната, в которой она спала одна. Рядом с ней, в другой комнате, такой же красивой, спала Селеста, французская горничная её мамы. Этель знала, что ей не прилично сразу вставать, ведь именно так себя ведут настоящие леди. Она долго лежала, прежде чем издать звук или пошевелиться, желая, чтобы по быстрее настало время вставать. В Рождественское утро Этель не могла долго ждать, как не старалась. Вскоре она тихо выскользнула из постели, вышла из комнаты и остановилась у двери, ведущей в холл, который вёл в покои матери. Но девочка не осмелилась идти дальше, а повернула в комнату горничной и плюхнулась на Селесту.

- С Рождеством Христовым! – воскликнула она, толкая горничную.

Разбудить Селесту было задачей не из лёгких. Обычно француженка была бы возмущена тем, что её так бесцеремонно разбудили до назначенного часа, но её остановило Рождественское приветствие. Она достаточно любезно ответила на приветствие маленькой девочки, но, сев в постели, предостерегающе подняла палец.

- Тише, - сказала она, - вы должны хранить молчание, мадемуазель Этель. Мадам, ваша маман, предупредила, чтобы её рано утром не беспокоили. Она вернулась домой очень поздно и хочет утром хорошенько выспаться, понежиться подольше в тёплой постели. Маман сказала, чтобы ты вела себя тихонько.

- Я буду вести себя тихо, Селеста, - поспешила заверить маленькая девочка, хотя на глазах блеснули слезы от этого приказа.

Было очень трудно всё время подавлять себя, соблюдать всякие нормы приличия - особенно в Рождество.

- Я помогу тебе одеться и затем вместе с Виллиам пойдём смотреть ёлку.

Никогда ещё маленькая девочка не была более покорной и послушной. Одевать Этель в то утро для Селесты было одно удовольствие. Едва она выполнила задание и сама оделась, как раздался стук в дверь.

- Кто там?

- Доброе утро, мисс Селеста, - раздался низкий мужской голос снаружи. Голос был приглушён до благопристойной мягкости тона, - Если вы и мисс Этель готовы, ёлка зажжена, и ...

- Мы готовы, месье Виллиам, ответила Селеста, - картинно распахивая дверь.

Этель открыла рот, чтобы поприветствовать дворецкого. Если этот торжественный и величественный человек когда-либо в чём-то и уступал, то только мисс Этель, которую в глубине души очень любил. Но он предостерегающе приложил палец к губам и прошептал благоговейным голосом:

- Ваш отец, вернулся вчера поздно вечером, мисс, и сказал, что сегодня утром не должно быть никакого шума.

Этель печально кивнула, её глаза выражали разочарование. Затем Виллиам прошествовал по коридору с величественной важностью, свойственной дворецким, и открыл дверь в игровую комнату. Он широко распахнул её и встал в стороне, как постовой, пропуская Селесту и Этель. Там стояла великолепно украшенная ель. Купил ёлку Виллиам, а Селеста украсила её во французском стиле. Такая красота могла

порадовать глаз любого ребёнка, а вещи, разбросанные вокруг на полу, были ещё привлекательнее. Там было всё, что можно было купить за деньги и всё, что только могли придумать Селеста и Виллиам. Мать Этель дала своей горничной полную свободу покупать для девочки всё самое лучшее. Отец Этель дал те же указания дворецкому Виллиаму. Эти двое объединили свои заботы, и в результате появилась идея о магазине игрушек. Но Этель на всё смотрела молча.

- Как вам это нравится, мисс? - наконец спросил Виллиам с некоторым волнением.

- Мадемуазель недовольна? - спросила француженка.

- Это ... это ... прекрасно, - запинаясь, произнесла маленькая девочка.

- Мы сами выбирали всё это.

- Да, мисс.

- Разве мама ... ничего не купила ... или папа ... или Санта?

- Они сказали нам покупать всё, что тебе может понравиться, и не скупиться на деньги.

- Это было очень мило с вашей стороны, - сказала Этель, мужественно борясь с почти невыносимым разочарованием. - Все замечательно, но ... Я ... хотела бы, чтобы мама или папа были ... Я хотела бы, чтобы они были здесь ... Я бы хотела, чтобы они поздравили меня с Рождеством Христовым.

Маленькая губка задрожала, но верхние зубы крепко прикусили её. Девочка старалась изо всех сил, чтобы не заплакать. Виллиам посмотрел на Селесту, Селеста пожала плечами - оба видели, чего-то не хватает.

- Я уверен, мисс, что они желают вам Счастливого Рождества, и ... - храбро начал дворецкий, но ситуация была для него невыносимой. - А вот и звонок хозяина, - быстро

сказал он, повернулся и с серьёзным видом вышел из комнаты, хотя никакого звонка не было.

- Ты можешь идти, Селеста, - сказала Этель с достоинством юной леди, мало чем отличающимся от манер её матери.

Горничная в недоумении пожала плечами, вышла из комнаты и закрыла за собою дверь.

Всё было прекрасно, всё было идеально, кроме личного присутствия родных, которое очень много значит даже для такой маленькой девочки. Этель уже привыкла, что о ней заботились не родители, а другие люди, но сегодня ей особенно хотелось их внимания и поэтому ничего не радовало. Девочка повернулась, оставив красивые вещи в том виде, в каком они были расставлены вокруг ёлки. Она подошла к крайнему окну, откуда через переулок открывался вид на маленький дом за гаражом.

В доме Мэгги тоже была Рождественская ёлка. Она, конечно, не выдерживала ни малейшего сравнения даже ни с одной веткой ёлки Этель. Украшения были такими дешёвыми и бедными, что Селеста немедленно выбросила бы их в корзину для мусора. На полу вокруг ёлки лежало несколько обычных, дешёвых, быстро ломающихся игрушек, но для Мэгги это был проблеск рая. Она стояла в своей старенькой белой ночной рубашке. У неё не было новой одежды, чтобы быть нарядной Рождественским утром. Девочка оглядывалась вокруг. Вся семья была в сборе, глаза родных светились любовью и нежностью. Казалось, все они забыли о своем личном счастье, сейчас для них было самым важным порадовать Мэгги.

Её отец, мать и старшие мальчики – ещё не успев привести себя в порядок, стояли вокруг неё. Они указывали сначала на одну игрушку, а затем на другую, которую смогли для неё

купить, отказав себе в некоторых самых необходимых вещах. Мэгги была так счастлива, что её глаза наполнились слезами, но она не заплакала. Девочка смеялась, хлопала в ладоши и расцеловала всех. Наконец, она обнаружила в одной руке большой апельсин, а в другой - медную трубу. И уже через мгновение Мэгги уже сидит на широких плечах своего отца, который браво марширует по маленькой гостиной. Минувя единственное окно, она мельком увидела переулок. Всю ночь шёл снег, и вся земля была белоснежной.

- Ой, - закричала она от восторга, - позволь мне увидеть Рождественский снег!

Папа подошёл к окну, раздвинул дешёвые кружевные занавески, и Мэгги радостно захлопала в ладоши от увиденной красоты. Наконец она подняла глаза и посмотрела в другое окно в большом здании, где стояла маленькая скорбная фигурка Этель. Папа Мэгги тоже посмотрел. Он знал, какими дешёвыми и бедными были маленькие подарки, которые он купил для своих детей. Но они были вместе! Сейчас они все приведут себя в порядок, и он расскажет им о великом значении Рождества. Ведь какое счастье знать, что в мир пришёл Спаситель для избавления мира от греха и от пустой, бессмысленной жизни.

Мэгги была очень довольна. Она улыбнулась, взмахнула трубой, помахала апельсином, но на лице Этель не было ответной улыбки. Наконец задумчивая маленькая девочка в большом доме неохотно махнула рукой. Ей нечему было радоваться. Мэгги увели одеваться, чтобы она не простудилась.

- Я надеюсь, что у неё будет хорошее Рождество, - сказала Мэгги, имея в виду Этель.

- Я тоже на это надеюсь, - ответила мама, жалея маленькую одинокую девочку, окружённую всем, что можно пожелать в этом мире, но не знающую о настоящем счастливом Рождестве.

- Что бы у неё ни было, - радостно сказала Мэгги, - у неё не может быть лучшего Рождества, чем у меня, которое ты, папа и мальчики подарили мне. Я просто счастлива!

Там, в большом доме, Этель тоже хотела быть по-настоящему счастливой и радоваться в кругу семьи. После того как она увидела Мэгги в объятиях своего большого бородатого отца, стоявшего у окна, девочка не могла больше себя сдерживать. Она была так несчастна. Мэгги отвернулась от окна, бросилась на пол перед ёлкой, закрыла лицо руками и горько заплакала.

Было Рождественское утро, а она была совершенно одна.

К сожалению, для неё были незнакомы слова ангела: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь»!

Знаешь ли ты эту радость?

 Перевод с английского Галина Гура

[Послушать или скачать рассказ на приложении «Капли Сота»](#)